

КАНАЛ
* ИМЕНИ *
МОСКВЫ

«Метро-2033», только на воде! Наверное, рекомендовала бы для всех возрастов, студентам и аспирантам. И еще, может быть, подросткам, если им не будет страшно.

Ozon.ru

Книга атмосферная, полная сюрпризов, загадок, поражающая воображение, аж дух захватывает. Сверхъестественное буквально хватается ледяными щупальцами за пальцы, которыми вы держите книгу.

...Сюжет не позволяет отвлечься ни на минуту, за каждой страницей скрываются неразгаданные тайны, которых не встречалось в других книгах, оживающие призраки ночи, стерегущие у древних границ, сводящие с ума!

Labirint.ru

Эта книга из тех, которые невозможно отложить. По мере чтения возникла аналогия со «Сталкером» Стругацких... с произведениями Стивена Кинга. Автор равномерно подкидывает читателю вопросы, и это сильно цепляет, не отпускает до последних страниц. Очень надеюсь на такое же продолжение!

LitRes.ru

...Постапокалиптические декорации — лишь полотно, на котором автор щедрыми мазками рисует картину мистического будущего...

Fantlab.ru

А Н О Н И М

КАНАЛ
★ И М Е Н И ★
МОСКВЫ

—...—
ЛАБИРИНТ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
А69

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Оформление обложки — *Андрей Фerez*

Карта на форзацах — *Екатерина Фerez*

Аноним.

А69 Канал имени Москвы. Лабиринт : [роман] / Аноним. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Новые легенды.)

ISBN 978-5-17-094737-9

Эту книгу ждали десятки тысяч читателей, плененных «Каналом имени Москвы» — лучшим циклом года, книгой-портретом от таинственного Анонима, о котором известно одно: это мастер магического реализма, блестяще соперничающий с главными мэтрами жанра.

...Скитание среди чудес продолжается, но на пути к мифической Москве таится древний Лабиринт, о котором говорят, что он хищный и живой и что нет из него выхода. И где-то есть Священная Книга, в ней вроде бы указан ключ, но тайный код пророческого текста стережет зловещее братство монахов, на счету которого уже не одно преступление...

Лодка плывет по широкой темной воде Пироговских морей, и пугающая разгадка совсем рядом. А где-то в высокой колокольне Икши, отрезанного туманом города теней и видений, женщина-воин тоже все ближе подходит к разгадке, которая грозит поменять все представления о прошлом и будущем, о жизни и смерти и о хрупкой уязвимой и могущественной силе, что связывает все воедино.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Аноним, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016
ISBN 978-5-17-094737-9 © Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

Озёрная обитель

1

— **Ч**то это значит?

Человек оторвал взгляд от страницы, пламя свечи чуть дрогнуло. Потом тишина стала вязкой, как и этот воздух вокруг, а огоньки свечей, теперь ровные, показались почему-то липкими. Но...

Рука человека всё ещё касалась книги.

— Лабиринт может быть разрушен?! — хрипло выдохнул он. И замолчал, словно испугавшись произнесённого святотатства. Отвёл от манускрипта старческие пальцы, на лбу выступила испарина, и пришлось откинуть к плечам капюшон, подбитый алым, как пользовали Возлюбленные братья.

Человек был настолько стар, что почти забыл звучание имени, какое носил в миру, среди гордых капитанов Пироговского моря, сотоварищи же давно обращались к нему «брат Фёкл». Только Книга была намного древнее, бесценной. Во многих местах бумага потемнела, покрылась «лисьими пятнами» и пропиталась сыростью, как при дурном хранении; некоторые листы слиплись (стоит отметить, в наиболее важных местах), склеились так, что требовалось немало труда отделить один от другого, не навредив Книге. Конечно, имелись и соскобы текста, и манускрипт явно расшивали, затем сшили заново. Только всё это было неважно. Он впервые смог прочитать Книгу по-другому. «Деяния Озёрных святых». И главное, заключительную часть,

вызвавшую в своё время немало споров и разночтений. Девять Святых Пироговского Озёрного края возвестили о грядущем. Собственно говоря, всю заключительную часть можно рассматривать как корпус пророчеств. И... Брат Фёкл нашёл ключ. Щека болезненно дёрнулась. Взгляд снова приковала к себе раскрытая страница, видимо, от напряжения перед глазами поплыло. Нашёл тайный код, шифр, только...

— Как же так? — прошептал брат Фёкл, хотя был в своей келье в полном одиночестве, и единственным его собеседником оставался подобранный недавно на хозяйском дворе обителе дымчатый котёнок, забавляющийся сейчас игрой с собственным хвостом.

Шифр оказался настолько простой, настолько всё время лежал на поверхности, прямо перед глазами, что становилось неясно, в чём, собственно, его тайна. Шифр не только находился в книге, он и был самой Книгой, её непреложным атрибутом, как гнев и благодать Господня, числами, из которых явился священный текст и словно требовал: «Ну, разгляди, прочти же меня, наконец!» Прорезанная глубокими морщинами щека опять дёрнулась. Девять Святых оказались теми ещё шутниками. Конечно, ведь что бы там ни утверждал брат Дамиан об их старчестве (благочинность, конечно же, необходима, и Возлюбленный Дамиан сто раз прав!), прежде всего, они являлись капитанами Пироговского речного братства. Но тогда...

Стало зябко. Брат Фёкл не мигая смотрел на манускрипт. Пальцы, чуть подрагивая, вернулись к раскрытым страницам и, будто задабривая, погладили их.

— Смысл всего меняется, — произнёс брат Фёкл. И вздрогнул. Нет, наверное, он не услышал эха в своей уединённой келье, но, казалось, сам этот липкий воздух ответил ему угрозой.

Отроки-послушники закончили уборку трапезной, выжали тряпки, обтёрли руки нижними краями длинных фартуков, укрывших суктаны, и уселись передохнуть на приступке, разделившем залу пополам. Фартуки, взятые на кухне, были грязными и, стоит признать, достаточно зловонными, в отличие от личных вещей послушников, содержащихся в чистоте — гигиене в Озёрной обители придавалось первостепенное значение. Длинные столы, пол, скамьи теперь также сверкали чистотой. Ох, уж сегодня Возлюбленные братья и позволили побаловать себя яблочным сидром перед теологическим диспутом, а кое-кто чем и покрепче не побрезговал. Так шумели, так разошлись в праведных спорах, что у отроков-послушников, заставших самый финал дискуссии, аж уши горели — как бы кого в ереси не уличили...

С кухни доносились монотонные звуки — натирали металлическую поверхность. Мальчики понимающе переглянулись.

— А Пухлый так и драит котлы, — важно заключил один, кивнул и весело добавил: — На камбузе.

— Ох, не говори так, — тут же одёрнул его другой. — Камбуз — это когда на лодке. А обитель — дом наш.

Мальчики благочинно замолчали, а потом всё же не выдержали и оба весело прыснули. Но не громко, чтобы Пухлый не слышал. Дел ещё, конечно, невпроворот, и пока всё не закончат, сна не видать, но ему они помогать точно не станут. Стукач он, Пухлый, и всё больше послушников прибавляли к его прозвищу слово «тухлый», причём ставили его впереди. Пухлый всегда возводил клязу на мальчиков, да и делал это почти открыто, набивал «плюсы» перед старшими, и самое обидное, что у многих братьев-лекторов та-

кое поведение встречало благосклонность. Но не у всех, к счастью. Вот и сегодня Тухлый-Пухлый настучал брату Фёклу, что они брали плоскодонку и тайком на плотину плавали — она ж северным концом-то в Пустые земли уходит, как не посмотреть? Наказание было суровым, и розог не избежали, и, видимо, не спать теперь мальчикам до утренней зари. Но и Пухлому брат Фёкл трудовую повинность определил. За донос! Причём самую тяжёлую: в одиночку все котлы перечистить.

— Говорят, завтра брат Дамиан прибывает, — как бы невзначай упомянул мальчик, вспомнивший о камбузе.

— Возлюбленный брат Дамиан — Светоч Озёрной обители, — последовал зазубренный ответ. Но царившая в воздухе хоть и деловитая, но весёлая атмосфера словно чуть потяжелела.

Первый мальчик вздохнул, искоса глядя на товарища. Потёр друг о дружку усталые руки и очень тихо сказал:

— Как думаешь, если б на его месте был брат Фёкл, всё было бы по-другому?

На этот раз ответа не последовало. Но воздух будто бы ещё налился тяжестью. А потом оба мальчика вздрогнули и побледнели. Потому что где-то далеко, во тьме, таящейся за окнами, завывали псы Пустых земель.

Но сюда псам не добраться. Обитель защищена надёжней, чем само Пирогово, и к ней не пробраться никаким врагам. И сама обитель, и некоторые уединённые затворнические кельи возведены на сваях посреди огромного Акуловского озера (самое большое в цепи водохранилищ, его ещё зовут Учинским или Уч-морем), и широкая водная гладь является лучшей защитой. А от непрошенных гостей из числа лихих людишек стерегут капитаны.

Укрытая ночью, лодка бесшумно коснулась носом сваи. Лишь плеск, как будто из воды, посеребрив брюхо в лунном свете, выпрыгнула рыба. Возможно, так оно и было — те, кто находились в лодке, умели не производить лишних звуков. Две фигуры незаметно проскользнули на плот, служивший плавающим причалом; вой, пришедший из тьмы, застал их уже внутри обители.

4

...Девять печатей будут сорваны, когда армии *Разделённых* придут с севера: Четыре пса возвестят конец с восходом, Две смерти и Три вечерних зари, которые переживут немногие...

Перед глазами снова поплыло — этот нестерпимый сладковато-грибной запах сырости. А может, всё дело просто в возрасте и древние кости промёрзли настолько, что их уже ничем не отогреть. Брат Фёкл снова накинул капюшон, подумал: «Возраст не возраст, но бумага-то отсырела! Разве ж допустимо подобное обращение с таким бесценным сокровищем?» И хоть с манускрипта было сделано бесчисленное количество списков, подлинника сохранилось только два: этот и в личном пользовании брата Дамиана. А что до копий, так что ж с писаришек взять-то? Отроки больше о каллиграфии думают, а не о сути и часто путают порядок слов, то ли по неряшливости и отсутствию должного усердия, то ли... потому что списывали с более ранних копий, куда уже прокрались ошибки, меняя слова местами. И вот в этой небрежности как раз таки и затаилось большое зло: по глубокому убеждению брата Фёкла, не только сакральные числа (о чём уже давно никто из братьев не спорил), но и порядок слов

являлись сутью и содержанием Книги, таинством деяний Озёрных Святых. Да и самих их было Деять, как и священных печатей...

Озноб прошёлся по телу, и пришлось сильнее закутаться. Действительно, возраст: на лбу-то испарина, а в сердце холод. Сегодня впервые с этим самым мутным холодом внутри брат Фёкл подумал, что, возможно, дело не в небрежности и отсутствии должного усердия и порядок слов перепутали намеренно. Ещё давно, когда списывали первые копии, ведь бесценные подлинники не давали в руки даже посвящённым, лишь самый ближний круг... Это, конечно, возмутительная ересь со стороны брата Фёкла — усомниться в благочинности деяний Возлюбленных и усмотреть какой-либо злой умысел, тем более что ошибочки незначительны, так, мелкие детальки, но...

Старый монах дёрнул головой, и ему пришлось зажмуриться: только что манускрипт перед его глазами раздвоился и соединился вновь. Брат Фёкл отклонился к стене и тяжело задышал — стар он стал для ночных бдений. Но прилив дурноты вроде бы отступил.

«Разделённые грянут с севера, из-за Тёмных шлюзов и Пустых земель», — произнёс брат Фёкл одними губами.

«...И тогда посреди Пустых земель станет невозможно дышать.

Лабиринт укроет верных Слову
От Четырёх псов чёрного человека...»

«О чём это я? — подумал брат Фёкл. — Зачем повторять всем известные азбучные истины, что лекторы-монахи вбивают в юные головы послушников?!»

Но его глаза сами отыскивали в раскрытой странице знакомый абзац. А потом взгляд переместился на кусок бумаги, где он делал свои пометки.

Потому что числа, вот зачем! Числа. Только он использовал их по-другому, — брат Фёкл всё ещё не

мог прийти в себя от совершаемой ереси, — использовал необычным способом. Он позволил себе кое-что. Предположение. Что, помимо сакрального, цифры-числа имели ещё кое-какой смысл. Результат его ужаснул, видимо, и вызвав этот прилив дурноты. Вместо всем известного канонического стиха о том, что грянет, когда придут полчища Разделённых: «...И тогда посреди Пустых земель станет невозможно дышать», — фразы, которую только что почти безмолвно произнесли его губы, он смог прочитать кое-что иное. Новое и совсем другое.

Это не было случайностью. Текст оставался связным, но полностью менялся весь смысл.

«...И станет Лабиринт от человека».

Брат Фёкл сморгнул.

— Четыре пса, — глухо пробормотал он. — Две смерти и Три вечерних зари...

Дымчатый котёнок посмотрел на него с любопытством и снова принялся ловить свой собственный хвост. Брат Фёкл улыбнулся ему.

Не было ошибкой, случайным совпадением одной фразы. Найденный им ключ ложился на всю страницу. Одна ересь тянет за собой другую, именно так открываются ящики Пандоры. Брат Фёкл позволил себе применить метод, тайный шифр из чисел, известных в Пироговском речном братстве каждому, на весь священный текст. И Книга зазвучала совсем по-другому.

Сердце брата Фёкла забило сильнее, но не ровно, в груди защемило.

«Надо найти ещё возможные значения слова «громада», — пометил он на своём отдельном листе бумаги. А потом снова уставился на раскрытую страницу. И тут же, словно сравнивая, перевёл взгляд на сделанные пометки. Тряхнул головой, зябко озираясь, и тёмно усмехнулся. Ещё один с детства знакомый канонический стих зазвучал по-другому:

«...Три вечерних зари соединятся,
Затем укроется небо тьмой.
Лабиринтов свет иссякнет...»

И главное, дальше, на самой последней странице: «...Тогда сей день будет пиром Разделённых».

Этим стихом заканчивалась Книга Пророчеств. За карой Господней уже ничего написано не было, ничего не следовало — чистый лист бумаги. Только сейчас... Сейчас стих зазвучал совсем по-другому, возможно, и вызвав спазм в горле:

«...Но когда они соединятся,
Лабиринтов больше не будет».

— Это «но» в начале, — слабо прошептал брат Фёкл. — Надо будет посмотреть в другом месте. Возможно, «Деяния Трёх Святых».

Спазм в горле повторился. Именно это изменение столь привычного, почитаемого, столь любимого и оберегаемого с особым тщанием текста заставило брата Фёкла несколько минут назад произнести самую крайнюю ересь из мыслимых, предположив, что Лабиринт может быть разрушен. И испытал он в тот момент... Да. Благоговейный священный ужас, но и... Где-то глубоко в сердце, чего уж скрывать, испытал еле уловимую тихую и порочную радость.

Девять Озёрных Святых, те ещё шутники, оставили нам два совершенно разных послания.

Каким-то сквознячком потянуло от входа в келью, пламя свечей опять дрогнуло, но тут же всё прошло. Брат Фёкл поднялся со скамьи посмотреть, не пришёл ли кто навестить его в столь поздний час, но нет — просто ветерок. И это хорошо. Хотя в обители и считалось, что второй главной чертой брата Фёкла после усердия является гостеприимство, хорошо, что ему не будут мешать. Работы ещё много, можно сказать, невпроворот. Он не может позволить себе вычёркивать слова, отсекаать лишнее...

(Не богохульствуй! Не в твоём праве полагать лишними слова Священного Писания!)

прямо на страницах манускрипта. Он не станет портить Книгу. Надо переписывать всё на отдельные листы, а там уже...

Брат Фёкл, склоняя голову, смотрел на раскрытые страницы. Вся Книга зазвучала по-другому.

«Армии Разделённых грянут с севера, из-за Тёмных шлюзов...»

С детства воображение рисовало бесчисленные полчища этих кошмарных тварей, разрезанных пополам вдоль или поперёк; позже он узнал ещё более ужасные вещи о том, что они могут быть отделены от своих душ. Хищная агрессивная передвигающаяся материя нагрянет, чтобы уничтожить последние оплоты духа в Озёрной обители...

Брат Фёкл, странно хмурясь, смотрел на манускрипт.

— Это значит совсем другое, — вдруг низким голосом произнёс он, и опять его сердце предательски забилось быстрее, однако сбиваясь с ритма.

Котёнок оставил в покое свой хвост и теперь устался на двуногого с недоумением. Он был гладкошёрстный, с умной мордочкой и большими разноцветными глазками. Не дождавшись от брата Фёкла продолжения, он вернулся к забавам с хвостом, видимо, сочтя это более интересным.

«А ведь Аква говорила мне, — подумал брат Фёкл. — Любопытная и упрямая. С детства была такой».

Только ведь дело не в девочке. Не только в девочке. Червячок сомнения давно уже поселился и грыз сердце брата Фёкла. Поэтому вместе с благоговейным трепетом он и испытал эту порочную радость.

Подкатил новый, гораздо более сильный прилив дурноты, и в груди повисла тяжесть. Что-то с ним не то. Испарина выступила на лбу, брат Фёкл отёр её тыль-

ной стороной ладони. И вдруг резкий приступ панической атаки

(«Я умираю?!»)

сменился сиротливым и холодным чувством. Старый монах посмотрел на густую тьму за окошком кельи; и само оно и обрамлённый им квадратик черноты показались дрожащими. Но пока он жив. И будет бороться, пока он...

Брат Фёкл снова провёл тыльной стороной ладони, холодная испарина на лбу... Как быстро и внезапно, ведь ещё сегодня утром и днём он чувствовал себя прекрасно, сплавал на плоскодонке к плотине, куда накануне, не спросившись, отправились шалопаи-послушники, и весьма бодро правил веслом.

На слабеющих ногах он добрался до окошка, распахнул его. Сделал глубокий вдох свежего озёрного воздуха. Сразу стало легче, но только этот сиротливый холод не ушёл насовсем.

«Наверное, вот и пробил мой час», — подумал брат Фёкл. Посмотрел на огоньки трёх свечей, что горели над раскрытым фолиантом. Понял, что у него слезятся глаза. Жизнь, как огонёк, — сильна, но задуть её ничего не стоит.

Брат Фёкл быстро вернулся за своё рабочее место, ухватился за перо и принялся писать. Лёгкая дурнота, и высохла вся гортань... Писать, быстро, тезисами, чтобы успеть как можно больше...

Перед глазами пошли круги, и теперь рука, держащая перо, становилась всё менее послушной. Брат Фёкл чуть отклонился, чтобы перевести дух, и, хоть боль, сжавшая виски и наполняющая голову какой-то ватной пустотой, не прошла, стало немного легче.

— Почему у сырости грибное зловоние? — повисло на раскалённом, как камень на солнце, языке.

Брат Фёкл поморгал. Буквы манускрипта дрожали, этот липкий воздух. Словно испарения от страниц...

И вдруг он всё понял. Но только не мог поверить, что такое возможно. Этот бесценный экземпляр «Деяний Святых» вовсе не подвергся дурному хранению. И страницы древнего манускрипта потемнели совсем по другой причине. Брат Фёкл вдруг печально улыбнулся, смущённо, беспомощно...

— Аква, — тихо прошептал он. — Кто теперь позаботится...

Вот чем были этот воздух, показавшийся липким, и сырость, исходящая от страниц. Его отравили. Книга пропитана ядом. Эссенция...

Брат Фёкл схватил перо и свои страницы и бросился прочь, к раскрытому окну. Вот почему становилось легче, когда он удалялся от Книги. Но яд уже проник в кровь, уже делает своё дело; крепчайшая эссенция грибных спор, которая испаряется, быстро улетучивается при свете, и следов не останется.

Ещё с этой сиротливой печалью, но уже и почти равнодушием брат Фёкл вспомнил, как ему передавали Книгу, бережно завернутую в несколько слоёв плотной материи.

— Возлюбленные братья, как же... — прохрипел брат Фёкл. Слабо присел на краешек лавки, попытался разложить записи на ровной поверхности, глядя на расплывчатые буквы. Поднёс к листу чернильное перо...

Его отравили. Убили, и обратного пути уже нет. Но, может, он успеет, успеет записать как можно больше. Не разоблачений, нет, а ту великую простую и чудесную тайну, что успел узреть...

Однако брату Фёклу больше не было отведено времени. Он словно стал давиться своим горячим распухшим языком. На краешке губ выступила пена, и, не успев вновь добраться до спасительного окна, возможно, давшего хоть небольшую передышку, брат Фёкл опрокинул лавку и рухнул на дощатый пол своей кельи.